

А.В. Чудинов
Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского

СОЛДАТЫ БОНАПАРТА И ЖЕНЩИНЫ ВОСТОКА

Отношения солдат Бонапарта в Египте с местными женщинами – это наглядный пример столкновения ориенталистских представлений европейцев с социокультурными реалиями Востока. Европейские авторы-ориенталисты создали миф о гиперсексуальности восточных женщин, которые для ее свободного проявления якобы с нетерпением ждут, чтобы их освободили от запретов, существующих в исламской культуре повседневности. Однако с прибытием на Восток французы обнаружили, что местные женщины, особенно мусульманки, отнюдь не стремились преодолеть тот барьер из социокультурных табу, который отделял их от чужеземцев и, более того, служил защитой от проявляемой теми сексуальной агрессии. Тогда французы, пользуясь правом сильного, принялись сами проламывать «бреши» в той защитной «стене», которую создавали для египтянок традиционные ценности исламской культуры. История взаимоотношений солдат Бонапарта и женщин Востока насквозь пронизана принуждением, разными проявлениями которого стали захват бывших наложниц мамлюков, использование запрещенного во Франции института рабства, расправы над проститутками, изнасилования в деревнях, «экспроприации» девушек и женщин в Каире. Впрочем, не довольствуясь этими «брешами», пробитыми в социокультурном барьере, французы попытались полностью разрушить его посредством «эмансипации», которая выражалась в том, что оказавшихся в сексуальном рабстве у оккупантов египтянок заставляли подражать в своем поведении француженкам: так же одеваться, пить вино, курить, флиртовать с мужчинами и т. д. В силу краткосрочности подобного кросс-культурного «эксперимента» он не оказал существенного влияния на египетское общество в целом, но после ухода французов стоил жизни некоторым из его вынужденных участниц.

Ключевые слова: гендерная история, военно-историческая антропология, Франция, Египет, Наполеон Бонапарт, Египетский поход 1798–1801

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00113.

Цитирование: Чудинов А.В. Солдаты Бонапарта и женщины Востока DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-63-97 // Французский ежегодник 2022: Французы за пределами Франции. Т. 55. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 63-97.

Поступила в редакцию: 17.01.2022

Принята к печати: 24.02.2022

Alexander Tchoudinov
Saratov State University

THE SOLDIERS OF BONAPARTE AND THE WOMEN OF ORIENT

The relationship of Bonaparte's soldiers in Egypt with local women is an evident example of the clash of orientalist ideas of Europeans with the socio-cultural realities of the East. European orientalist authors have created a myth about the hypersexuality of Oriental women, who, for its free manifestation, allegedly look forward to being freed from the prohibitions that exist in the Islamic culture of everyday life. However, upon arrival in the East, the French discovered that local women, especially Muslim ones, did not seek to overcome the barrier of socio-cultural taboos that separated them from foreigners and, moreover, served as protection from their sexual aggression. Then the French, using the right of the winner, began to break through the “gaps” in the protective “wall” that the traditional values of Islamic culture created for the Egyptian women. The history of the relationship between Bonaparte's soldiers and the Oriental women is permeated with violence, various manifestations of which were the capture of former Mamluk concubines, the active use of the institution of slavery banned in France, the executions of prostitutes, rape in villages, the “expropriation” of girls and women in Cairo. However, not content with these “gaps” punched in the socio-cultural barrier, the French tried to completely destroy it through “emancipation”, which was expressed in the fact that Egyptian women who found themselves in sexual slavery with the occupiers were forced to imitate French women in their behavior: dress the same way, drink wine, smoke, flirt with men, etc. Due to the short-term nature of such a cross-cultural “experiment”, it did not have a significant impact on Egyptian society in general, nevertheless it cost the lives of some of its forced participants.

Keywords: gender history, military-historical anthropology, France, Egypt, Napoleon Bonaparte, the Egyptian campaign 1798–1801

Acknowledgements: The study is sponsored by the Russian Science Foundation, grant 20-18-00113.

Citation: Tchoudinov, A., (2022) Soldaty Bonaparta i zhenshchiny Vostoka [The Soldiers of Bonaparte and the Women of Orient]. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-63-97. *Annual of French Studies* 2022, vol. 55, p. 63-97.

Введение

Даже сегодня, в эпоху существования максимально достигнутого равенства полов, война остается, прежде всего, мужским делом. В основном именно мужчины, объединяясь в армии, совершают марши, производят маневры и убивают друг друга на полях сражений и в стычках местного масштаба. А уж два столетия тому назад война и вовсе была их исключительной прерогативой. Не удивительно поэтому, что историки Наполеоновских войн традиционно интересовались лишь деяниями представителей сильного пола. История же другой половины человечества – женщин, по чьим жизням точно так же прокатились эти войны, долгое время была скрыта от нас туманом забвения. И только в последние годы гендерные аспекты данной темы стали привлекать к себе внимание специалистов по военно-исторической антропологии¹.

Некоторые из этих аспектов были недавно затронуты известным французским наполеонистом Ж.-О. Будоном в монографии «Секс в эпоху Империи». Отношения полов, отмечает он, претерпели серьезную деформацию во время Революционных и Наполеоновских войн, длившихся без малого четверть века. За эти годы через армейскую службу прошло 2,5 млн молодых французов, подавляющее большинство которых на протяжении всего периода оставались холостыми. Даже среди офицеров, у которых имелось значительно больше возможностей вступить в брак, чем у рядовых и младшего командного состава, холостяки к концу Наполеоновских войн составляли две трети². Не удивительно, что в такой ситуации для солдат Наполеона, составлявших немалую часть мужского населения Франции, обычной практикой стали различ-

¹ Об этом направлении историографии см.: *Гладышев А.В.* Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 136–159; *Он же.* Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // ФЕ 2018. М., 2018. С. 10–21.

² *Boudon J.-O.* Le Sexe sous l'Empire. 1799-1815. P., 2019. P. 85.

ного рода внебрачные отношения, тогда как традиционный брак, напротив, являлся в их среде достаточно редким исключением.

Вместе с тем традиционная мораль по-прежнему воспринимала внебрачную связь между мужчиной и женщиной как аномалию. Таковые старались не афишировать и свидетельств о них по возможности не оставлять. В результате, при изучении этой стороны бытия историку приходится иметь дело с достаточно узкой базой источников. Исследуя различные аспекты повседневной жизни военнослужащих, специалисты по военно-исторической антропологии активно используют документы личного происхождения: письма, дневники и воспоминания, однако относительно данного аспекта эти источники достаточно скупы на информацию. Ж.-О. Будон объясняет это следующим образом. Кому солдаты действующей армии адресовали свои письма? Прежде всего, родителям. А хвастаться перед ними теми деяниями, которые общественная мораль осуждала, молодым людям в военной форме едва ли хотелось. Тем более, это верно в отношении писем женатых военнослужащих своим супругам. Что же касается мемуаров, то многие из них были написаны по истечении более или менее значительного срока после самих событий, а потому авторы, к тому времени уже солидные, уважаемые люди в возрасте, желавшие наилучшим образом выглядеть в глазах потомков, предпочитали обходить молчанием свои, сомнительные с точки зрения морали, юношеские приключения³. Впрочем, нет правил без исключений: некоторые письма друзьям мужского пола и личные дневники отдельных военнослужащих всё же дают нам возможность приподнять завесу молчания и над этой стороной жизни солдат Наполеона.

Опираясь на такие, относительно немногочисленные, свидетельства, мы рассмотрим, как строились взаимоотношения между военнослужащими Восточной армии Бонапарта и женщинами Египта в период французской оккупации этой страны 1798–1801 гг.

Галантные похождения дромадера Франсуа

Историкам, изучающим историю Египетского похода Бонапарта, хорошо известен такой источник, как дневник Шарля Франсуа (1777–1853), сержанта верблюжьей кавалерии – дромадеров⁴.

³ Ibid. P. 86-87.

⁴ Meulenaere Ph., de. Bibliographie raisonnée des témoignages oculaires imprimées de l'expédition d'Égypte (1798-1801). P., 1993. P. 93.

Этот текст не только содержит подробный рассказ о тех событиях, в которых его автор принимал личное участие, но и отличается достаточно высокой степенью откровенности. А поскольку к моменту высадки в Египте 22-летний молодой человек уже почти шесть лет находился на военной службе, ведя свои дневниковые записи, они позволяют нам получить примерное представление о том, как строились практики взаимоотношений с женщинами у французских солдат в Европе, и с каким опытом в этой сфере жизни они прибыли на Восток.

Франсуа, сын налогового чиновника из Пикардии, в 15 лет пошел добровольцем в армию и уже две недели спустя в знаменитом сражении при Вальми 20 сентября 1792 г. получил свое первое ранение, по счастью легкое. Первый же опыт галантных отношений он приобрел чуть позже, три месяца спустя, когда его часть стояла в Бельгии. В доме мануфактурщика, где квартировал Франсуа, жило также несколько девушек: «Наши взаимные желания позволили нам понять друг друга, и, поскольку стояли холода, мы часто проводили ночи вместе»⁵.

Во время осады Маастрихта 1793 г. Франсуа имел интрижку с дочкой маркитанта. Она ему «подарила небольшое любовное приключение, доставившее большие страдания»: молодому капралу пришлось несколько месяцев лечиться от гонореи, из-за чего он даже попал в госпиталь в Камбре⁶. Впрочем, едва выйдя из госпиталя, он там же в Камбре имел еще несколько интрижек, в том числе с дочерью начальника склада⁷.

Когда после победы при Флерюсе в 1794 г. французская армия, преследуя неприятеля, вторглась в Германию, Франсуа, ставший к тому времени каптенармусом, еще больше преумножил счет своих побед на любовном фронте. В Клеве, пишет он, хорошенькая жена хозяина дома, у которого он квартировал, «отнюдь не была жестока ко мне». Правда, не проявляла она «жестокости» и к его сержанту, а потому фактически оказалась в тот период «женой трех мужей»⁸.

В 1795 г. Франсуа продолжает путь со своим полком по городам и весям Голландии и Германии. Продолжаются и его любовные приключения. Их уже столько, что, перечисляя их, он сбива-

⁵ Journal du capitaine François, dit le dromadaire d'Égypte. P., 2003. P. 72-73.

⁶ Ibid. P. 85.

⁷ Ibid. P. 92.

⁸ Ibid. P. 112.

ется на деловитую скороговорку: где-то в Голландии племянница очередного хозяина дома, в немецком Аахене «молодая и хорошенькая» жена другого хозяина, затем юная супруга немецкого сержанта и т.д., и т.п.⁹ В 1796 г. Франсуа, раненный, попадает в плен к австрийцам, а, освободившись, отправляется в 1797 г. с дивизией Бернадотта в Италию. Там его амурный опыт обогащается новыми впечатлениями, и, размышляя о радостях жизни после очередной интрижки, на сей раз с держательницей почтовой станции в Сузе, он философски замечает: «Я воспользовался ее благосклонностью и, вспоминая моих немок, прихожу к выводу, что женщины повсюду нестойки»¹⁰. А уж насколько «нестойки» те оказались в Милане, он и сам удивился: «Мужья там снисходительны, как и священники, что обеспечило нас женщинами всех рангов и калибров»¹¹.

Любопытно, что Франсуа отнюдь не считает свои достижения на любовных фронтах чем-то уникальным. Он был обычным солдатом и поступал как все. Нам же его история показывает, что в европейских странах французскому военному не составляло труда найти себе партнершу для мимолетной связи: хотя публичная мораль осуждала внебрачные отношения, повсюду находилось немало женщин, готовых разнообразить свою сексуальную жизнь короткими интрижками с молодыми и крепкими парнями в военной форме. О том же свидетельствуют и другие, пусть и не слишком многочисленные, источники личного происхождения, в которых нашли отражения галантные приключения французских военных¹².

И вот с таким-то опытом за плечами Франсуа, а также еще без малого 40 тыс. его товарищей по оружию, отправились в 1798 г. на Ближний Восток, регион мусульманской культуры – совершенно не похожей на всё то, к чему они привыкли в Европе.

Гендерный ориентализм

Приступая к завоеванию Египта, Бонапарт знал, что там ему и его армии предстоит погрузиться в иную, чуждую и даже враждебную им культурную среду. Знал он это из трудов французских путешественников Клод-Этьена Савари и Константен-Франсуа

⁹ Ibid. P. 142.

¹⁰ Ibid. P. 175-176.

¹¹ Ibid. P. 177.

¹² Boudon J.-O. Le Sexe sous l'Empire. P. 89-107.

Шассбёфа, известного под псевдонимом «Вольней». Оба относительно незадолго до того побывали на Ближнем Востоке и в изданных затем путевых заметках описали тот культурный шок, который испытывает европеец, сталкиваясь там с иными нравами и обычаями¹³. А Вольней, с которым Бонапарт был знаком лично, и вовсе прямо предупредил о том, что в случае попытки завоевания Францией стран Востока привычные для французских солдат повседневные практики способны привести к серьезному конфликту с местным населением: «Характер двух наций, полностью противоположный, станет взаимно антипатичным: наши солдаты будут шокировать население своим пьянством, возмущать его своей наглостью по отношению к женщинам <...> Все это будет вести к ссорам и к вновь и вновь повторяющимся мятежам»¹⁴.

Очевидно, Бонапарт услышал его предостережение, поскольку в своем обращении к личному составу Восточной армии от 22 июня 1798 г., зачитанном на борту кораблей по пути в Египет, помимо прочего предупредил: «Эти народы иначе относятся к женщинам, чем мы, но во всех странах насильник считается чудовищем»¹⁵. В одновременно выпущенном им приказе первый же пункт гласил: «Всякий в армии, кто станет грабить или насиловать, будет расстрелян»¹⁶. Однако всё предварительное «просвещение» солдат и офицеров армии Бонапарта относительно их будущих отношений с представительницами слабого пола в той стране, которую французам предстояло завоевать, собственно, и свелось к этим двум предостережениям.

Что военные могли почерпнуть из слов главнокомандующего? Прежде всего, запрет насиловать женщин. Однако он действовал и во время войны в Европе, что, впрочем, не мешало военным его нарушать¹⁷. Информацию же о том, что «эти народы иначе относятся к женщинам, чем мы», каждый мог воспринимать по-своему, ибо никаких дополнительных разъяснений на сей счет обращение Бонапарта не содержало. Для сравнения заметим, что на особенностях, скажем, ислама как религии Бонапарт в том же документе остановился значительно подробнее, что наглядно показывает,

¹³ Подробнее см.: *Прусская Е.А.* Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016. Гл. 3 Египет в сочинениях Савари и Вольней.

¹⁴ *Volney C.-F.* Considérations sur la guerre des Turcs et de la Russie. L., 1788. P. 126.

¹⁵ *La Jonquière C., de.* L'expédition d'Égypte. P., 2003. T. 2. P. 22.

¹⁶ *Ibid.* P. 23.

¹⁷ Подробнее см.: *Boudon J.-O.* Le Sexe sous l'Empire. P. 225-229.

какому из двух факторов, конфессиональному или гендерному, он придавал большее значение в тех межкультурных коммуникациях, которые его подчиненным предстояло наладить. Религиозного фанатизма мусульман Бонапарт весьма опасался, о чем годы спустя вспомнит в своих мемуарах, продиктованных на Святой Елене: «Чтобы утвердиться в Египте, говорил Вольней в 1788 г., придется выдержать три войны: первую – против Англии, вторую – против Порты, а третью – наиболее трудную из всех – против мусульман, составляющих население этой страны. Последняя потребует таких жертв, что ее, быть может, следует рассматривать как непреодолимое препятствие»¹⁸.

Однако, будучи сыном Просвещения, Бонапарт воспринимал ислам лишь как орудие управления «восточными людьми»¹⁹, не принимая во внимание то, что эта религия определяет весь образ жизни мусульман, все их повседневные практики, включая порядок общения между мужчинами и женщинами. Соответственно он рассматривал конфессиональный и гендерный факторы по отдельности и не считал нужным более подробно останавливаться на последнем, ограничившись предостережением подчиненных от сексуального насилия.

Таким образом, французским военным предстояло строить в Египте свои взаимоотношения с женской половиной местного населения, исходя из собственных представлений о «восточных женщинах». Представления же эти определялись не практическим опытом контактов с мусульманской цивилизацией, ибо таковым никто из подчиненных Бонапарта еще не обладал, а распространенными во французском обществе стереотипами о Востоке – тем дискурсом, который известный американский востоковед Э. Саид определил как «ориентализм»²⁰. Такой дискурс, отмечает Саид, характеризовался экстерриториальностью: «...Ориенталист, будь то поэт или ученый заставляет Восток говорить, описывает его, истолковывает его тайны простым языком, понятным для Запада. Его никогда не интересует Восток как таковой, кроме разве что в качестве первопричины того, что говорит он»²¹. Иными словами, «ори-

¹⁸ *Наполеон Бонапарт*. Египетский поход. СПб, 2007. С. 126.

¹⁹ Подробнее см.: Чудинов А.В. Французы в Египте 1798–1801 гг.: неудавшийся диалог цивилизаций // ЭНОЖ «История». 2021. Т. 12. Вып. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015129-0-1/> (Дата обращения 17.01.2022)

²⁰ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 9–10, 24 и др.

²¹ Там же. С. 37.

ентализм более соответствовал той породившей его культуре, чем своим мнимым объектам, которые в действительности также были порождением Запада»²².

О том, как на Западе тогда представляли себе «восточных женщин», мы можем судить по соответствующей литературе эпохи Просвещения. Однако, предупреждает нас видный французский востоковед А. Лоранс, надо принимать во внимание то, что эти представления носили исключительно умозрительный характер: даже те авторы, кто лично побывал на Ближнем Востоке, не имели возможности в силу культурных особенностей мусульманского общества непосредственно контактировать там с местными женщинами, а потому недостаток эмпирических знаний обильно восполнялся воображением²³.

Рассматривая «Восток» как полный антипод «Запада», европейские и, в частности, французские авторы-ориенталисты приписывали «восточным людям» качества прямо противоположные тем, которыми обладали сами европейцы. Если на Западе господствовавшее там многие века христианство научило приглушать голос плоти, то на Востоке, дружно утверждали указанные авторы, в отношениях полов царит настоящее буйство страстей²⁴. Объясняли его по-разному. Одни связывали с жарким климатом, где люди, подобно тропическим растениям, созревают намного быстрее, чем в умеренных широтах, и достигают половой зрелости еще до того, как научатся обуздывать свои страсти. Так, Ш. Л. Монтескье утверждал: «Есть такие климаты, при которых правила нравственности почти совершенно бессильны перед физическими потребностями. Оставьте мужчину наедине с женщиной – и всякий соблазн приведет к падению, всякое наступление будет победоносно, а сопротивление – ничтожно. В этих странах вместо моральных правил нужны замки. Одна классическая книга Китая видит чудо добродетели в поведении человека, который, оставшись в отдаленной комнате наедине с женщиной, не изнасилует этой женщины»²⁵.

Другие просветители связывали приписываемую восточным мужчинам и женщинам гиперсексуальность с существовавшими-

²² Там же. С. 39.

²³ *Laurens H.* Les origines intellectuelles de l'expédition d'Égypte. L'Orientalisme Islamisant en France (1698 1798). Istanbul, P., 1987. P. 107.

²⁴ *Ibid.* P. 112.

²⁵ *Монтескье Ш. Л.* О духе законов. Кн. XVI. Гл. VIII // Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М., 1955. С. 380.

ми на Востоке деспотическими порядками: дескать, стремление затворить женщин в гареме вызывает у них обратную реакцию. Бывший французский консул в Египте и популярный в век Просвещения автор Б. Майе писал:

«Есть немного стран в мире, где слабый пол держат в такой строгости, как это делают здесь – и в силу господствующего на Востоке обычая запирают женщин, и из-за ревности, которая в Египте гораздо сильнее, чем у всех других народов земли. <...> Однако нет, наверное, места в мире, где бы они [женщины] были более неверными. <...> Главная страсть всех египтян – это тяга к сладострастию и удовольствиям; есть ли основания тешить себя надеждой на то, что пол столь нежный от природы и столь ловкий в достижении своих целей победит это общее и сильное влечение? Арабские авторы, пишущие о Египте и лучше, чем кто-либо еще, знающие склонности людей, среди которых они живут, поголовно убеждены, что их [египтян] темперамент влечет их к любви больше, чем все остальные нации в мире. <...> Действительно, созревание и у того, и у другого пола происходит здесь быстрее, чем в любом другом регионе земли, так же, как и всеобщая страсть к удовольствиям здесь бесспорно наиболее сильна.

Приняв это, уже не удивишься тому, что женщины здесь чувственны от природы. Кроме того, полученное ими в детстве слабое воспитание, праздная жизнь, которую они ведут, комфорт, которым они наслаждаются, их разговоры между собой, лишённые стыда и сдержанности, слабая привязанность к ним мужей, которая является неизбежным следствием многоженства, введенного законом Мухаммеда, а также порочная тяга этих мужей к своему полу, которая их женам известна и которая в целом весьма распространена среди турок* и особенно в этой стране [Египте], – всё это вместе с жарким климатом, где вместе с воздухом вдыхаешь зной, легко проникающий до самого сердца, весьма располагает прекрасный пол к любви, делая его столь же предприимчивым, сколь и нежным»²⁶.

Но чем бы не объясняли писатели Просвещения якобы царящее на Востоке буйство любовных страстей, жарким ли климатом или протестом женщин против деспотизма мужчин, никто из авторов того времени не ставил под сомнение этот стереотип.

* «Турками» в то время французы обычно называли всех мусульман Ближнего Востока, тогда как для обозначения собственно турок использовался термин «османлы» (Osmanlis).

²⁶ Description de l'Égypte. Composée sur les Mémoires de M. Maillet, ancien Consul de France au Caire. P., 1735. P. 115* 116*.

Таким образом, подчиненные Бонапарта, ранее хоть как-либо приобщившиеся к книжной культуре, имели основания ожидать, что, несмотря на внешне строгий порядок отношений полов в мусульманском обществе, на Востоке их ожидает настоящий рай сладострастия. Те, кто грамоты не разумел, могли узнать о подобной перспективе от своих более начитанных товарищей. Тем же, кто даже краем уха ничего ни слышал о Востоке (едва ли их насчитывалось много, если вообще таковые в армии были), оставалось лишь следовать голосу своего основного инстинкта.

Разочаровывающая реальность

Впрочем, сколь бы сладостные надежды на знакомство с женщинами Востока не питали французские военные, чье воображение подогревалось произведениями современных им писателей-ориенталистов, действительность оказалась гораздо более простой и весьма обескураживающей. В первые же дни пребывания в Египте французы поняли, что местные женщины для них недоступны – недоступны даже их взорам, не говоря уже о чем-то другом. И это разочарование участников экспедиции откровенно сквозит в первых же их письмах на родину, изобилующих пренебрежительными отзывами о египетских мусульманках.

Всего лишь пять дней спустя после высадки, 6 июля 1798 г., Луи Бонапарт уже делился со своим старшим братом Жозефом следующими впечатлениями:

«Женщины особенно закрываются материей, заворачиваясь в нее и укутывая ею голову до самых бровей. Платок (у женщин из народа) скрывает лицо от самого лба, оставляя лишь прорези для глаз таким образом, что, если он хоть немного морщится, их вид вселяет страх»²⁷.

О невозможности визуально оценить прелести египетских женщин говорит и флотский казначей Жобер в письме от 8 июля 1798 г., неделю спустя после высадки:

«Я видел также нескольких женщин. Они носят длинные одежды, абсолютно скрывающие их формы, оставляя открытыми только глаза, почти как облачение пенитантов* в наших южных провинциях»²⁸.

²⁷ Correspondance intime de l'armée d'Égypte, interceptée par la croisière anglaise. P., 1866. P. 7.

* Пенитанты («кающиеся») – духовное братство на Юге Франции. Его члены проводили факельные шествия, облачившись в длинные балахоны и закрыв лицо капюшонами с прорезями для глаз.

²⁸ Correspondance intime de l'armée d'Égypte. P. 13.

Явное пренебрежение сквозит в отзыве о египтянках и у инженера Жире, прикомандированного к гарнизону Розетты. 28 июля он пишет другу:

«Мы вынуждены здесь вести себя политично, ибо не настолько сильны, чтобы действовать иначе. В остальном же мы проявляем уважение к их религии, нравам и особенно женщинам. По правде говоря, женский пол тут не слишком привлекателен. В целом же это всё – гадкие народы (*vilains peuples*)»²⁹.

Авриёри, офицер морского легиона, стоявшего в Александрии, в письме подруге от 29 августа сообщал, что француженкам нет смысла беспокоиться о своих мужчинах, отправившихся в Египет:

«Женщинам не о чем печалиться, ведь даже если кто-то и захочет им изменить, то для него это будет просто невозможно. Здесь нет ни одной женщины, хоть сколько-нибудь достойной нашей дорогой страны. Их тут [вообще] мало – несколько европейек и всё. Что касается местных женщин, то красивых среди них не наблюдается, а те, которых можно видеть, вызывают содрогание»³⁰.

Офицер инженерных войск Луи Турман делился с сестрой такими впечатлениями от первого месяца пребывания в Александрии:

«Я совсем не вижу здесь красавиц, которые прогуливались бы по улицам только для того, чтобы показать себя, произвести впечатление своими украшениями, улыбаться всем вокруг и, благодаря своему чарующему присутствию, сделать приятным пребывание на улице, которую они собой украшают. Здесь и близко нет ничего такого. Подобную страну просто невозможно себе представить. Надо это видеть самому, чтобы поверить. Женщины у нас это – хозяйки рода человеческого, здесь же они – печальные рабыни, обреченные на пребывание в комнате, не имеющей окон на улицу, а лишь небольшие зарешеченные окошки во двор. Они всегда укутаны так, что видны только белки их глаз, имеют в качестве украшения одно лишь странное ожерелье из нескольких монет вместо жемчугов и цветов, ходят босые – я содрогаюсь от того, куда попал»³¹.

Впрочем, невысокое мнение о египтянках авторов этих писем не стоит безоговорочно принимать на веру. Французы оказались в

²⁹ Ibid. P. 81.

³⁰ Ibid. P. 125.

³¹ *Thurman L. Chroniques égyptiennes des sables du désert au sables du Nil (1798–1801)*. P., 2013. P. 46.

положении забравшегося в виноградник лиса из знаменитой басни Эзопа. Женщины Востока, вопреки распространенным ориенталистским стереотипам, отнюдь не искали сближения с европейскими мужчинами, а самим проявлять в этом деле инициативу военные первое время не решались из-за строгих предостережений главнокомандующего. В самом начале экспедиции, когда Восточной армии еще только предстояла встреча с основными силами мамлюков, Бонапарт активно старался завоевать симпатии населения Египта и требовал от своих подчиненных проявлять максимальное уважение к местным обычаям. Сразу же после захвата Александрии, 3 июля, начальник штаба армии генерал А. Бертье разослал по частям распоряжение главнокомандующего максимально деликатно относиться к религиозным обрядам мусульман, не заходить в мечети и вновь зачитать личному составу ранее изданный приказ о недопустимости воровства и сексуального насилия³². В том, сколь серьезно настроен Бонапарт в данном отношении, его подчиненные смогли убедиться уже через пару дней, узнав из ежедневного приказа по армии от 5 июля, что один из солдат за грабеж египтянина был расстрелян на месте³³. И, чтобы не быть наказанным за нарушение местных обычаев, французским военным оставалось лишь издали наблюдать за недоступными для них египтянками, ворча в письмах, что те недостаточно хороши собой.

Однако после того, как основные силы армии во главе с Бонапартом 6–7 июля покинули Александрию, двинувшись к Каиру, кто-то из оставшихся в Александрии военнослужащих, похоже, всё-таки решил практическим путем проверить истинность расхожих представлений о гиперсексуальности восточных женщин. Закончилось это для «экспериментаторов» далеко не лучшим образом.

13 июля гарнизон Александрии был поднят по тревоге из-за произошедших почти одновременно двух чрезвычайных происшествий: один из канониров флота получил в городе от местного жителя удар саблей по голове и восемь ударов стилетом, другой француз – слуга офицера – кем-то был сброшен в море³⁴. Косвенным объяснением причин происшедшего стал вышедший на другой день приказ командующего войсками в городе генерала Ж.-Б. Клебера, где объявлялось, что те, кто вторгается в гаремы и

³² *La Jonquière C., de. Op. cit. T. 2. P. 65.*

³³ *Ibid. P. 71.*

³⁴ *Kléber en Égypte 1798–1800. P., 1988. T. 1. P. P. 119–120.*

совершает иные посягательства на обычаи египтян, впредь будут караться смертью³⁵. Еще день спустя, 15 июля, Клебер учредил военный трибунал, чтобы судить подобного рода правонарушителей³⁶. К концу августа по приговору этого трибунала один человек за преступление против местных жителей был расстрелян, восемь отправлены на галеры³⁷.

Не удивительно, что оставшимся приходилось сдерживать свои сладострастные порывы и облизываться на египтянок издали.

«Трофеи» победителей

21 июля 1798 г. Бонапарт разгромил основные силы мамлюков в сражении при Пирамидах. День спустя французы вступили в Каир. Два фактических правителя Египта, Ибрагим-бей и Мурад-бей, ушли со своими приверженцами в противоположных направлениях: первый – в сторону Сирии, второй – в Верхний Египет. В Каире мамлюкские беи бросили свои дворцы, сокровища и гаремы. Всё это перешло в руки победителей. Французские генералы забрали себе дворцы беев и их наложниц, большинство из которых составляли белые рабыни – красавицы с Кавказа: грузинки, черкешенки, армянки.

«И наконец, мой дорогой, писал 29 июля своему другу генерал Д.М. Дюпюи, назначенный комендантом столицы Египта, – я занял сегодня самый прекрасный из сералей Каира, принадлежавший любимой султанше Ибрагим-бея, правителя Египта. Я занял его волшебный дворец и среди множества нимф выполняю обещание, данное своей европейской подруге. Да, я ей не изменял и надеюсь, что сдержу слово»³⁸.

Выше при характеристике источников данной темы уже отмечалось, что в своих письмах многие военные демонстрировали нарочитые сдержанность и целомудрие, особенно когда эти послания непосредственно направлялись или, по меньшей мере, могли попасть на глаза их подругам или родителям. Но это отнюдь не означает, что на деле они вели себя именно так, как рассказывали в письмах. В данном отношении, к примеру, весьма показательна корреспонденция капитана Ф.М.Н. Бернуайе, руководившего

³⁵ Ibid. P. 124.

³⁶ Ibid. P. 127–128.

³⁷ Ibid. P. 253.

³⁸ Correspondance intime de l'armée d'Égypte. P. 61–62.

швейной мастерской армии. В письмах жене он являл собой образец супружеской верности, а в посланиях кузену делился подробностями амурных походов, по откровенности достойными, как мы увидим далее, эротических романов. Впрочем, судя по свидетельству Бернуайе, его действия в данном отношении ничуть не отличались от поведения других его сослуживцев:

«Наши генералы со вступлением в Большой Каир присвоили себе власть над женщинами, оставленными мамлюками в своих сералях. Они сочли их хорошим приобретением, поскольку те были богато одеты и великолепно украшены, а потому они тут же поспешили утолить свое первое желание, не разглядывая добычи. Как только их страсть улеглась, у них появилось время немножко лучше ознакомиться с объектом своих вожделений. Каково же было их разочарование, когда они поняли, что набросились на лежалый товар! И они сразу же постарались от этих женщин избавиться. С тех пор те пошли по рукам и теперь уже докатились до того, что составляют компанию нашим солдатам»³⁹.

Слова Бернуайе подтверждаются и другими источниками. Так, адмирал Ж.-Б.Э. Перре, командующий французской флотилией на Ниле, сообщив из Каира своему другу, флотскому офицеру Ле Жуалю, о тяготах перехода через пустыню, оптимистично добавил:

«Однако после страданий – удовольствие. В настоящий момент у меня дела обстоят достаточно хорошо и в плане питания, и в плане наслаждений. Беи нам оставили несколько хорошеньких армянок и грузинок, которых мы экспроприировали в пользу нации»⁴⁰.

А вот те покинутые беями гаремы, которые не были «экспропрированы» генералами, стали добычей младших чинов армии. Пасынок и адъютант Бонапарта, Эжен Богарне, позднее вспоминал:

«Однажды главнокомандующему сообщили, что неподалеку от его штаб-квартиры слышны крики, которые доносятся из гарема, куда забрались французские солдаты. Перед этим домом уже собралась большая толпа жителей, громко выражавших свое негодование подобным посягательством и поруганием, которое они считали отвратительным. Меня отправили туда с несколькими офицерами, чтобы положить всему этому конец. Мы действительно обнаружили в том гареме не-

³⁹ См.: *Bernoyer F. Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie, 1798–1800: 19 lettres inédites.* Port-Laval, 1981. P. 94.

⁴⁰ *Correspondance intime de l'armée d'Égypte.* P. 38.

скольких солдат из разных полков, предававшихся всем крайностям насилия, которые если не оправдываются, то хотя бы объясняются длительным воздержанием. Тогда мы были вынуждены прибегнуть к крайнему средству <...> и, нанося солдатам крепкие удары саблями плашмя, сумели пресечь безобразие и выгнать их из гарема»⁴¹.

Дабы предотвратить на будущее повторение подобных случаев, способных взорвать хрупкий мир в городе, Бонапарт дал 4 августа распоряжение Административной комиссии, занимавшейся вопросами гражданского управления:

«В некоторых домах мамлюков находится некоторое количество рабынь. Прикажите, чтобы их передали на временное попечение членам дивана и главным купцам города. Пусть они дадут о том расписку и обязуются предъявить их всякий раз, как это потребуется»⁴².

Тем не менее, часть бывших обитательниц гаремов, как выразился Бернуайе, уже «пошла по рукам». Именно так обзавелся в Каире новой подругой любвеобильный Ш. Франсуа, будущий дромадер. Это была «маленькая полупринцесса» Аниф, рожденная матерью-грузинкой от Альфи-бея, одного из наиболее могущественных мамлюкских вождей, близких к Мурад-бею. Франсуа так описывает ее:

«Она была юна и прекрасна, как сама любовь. Я добился ее исключительно благодаря силе денег. Ежедневно я давал ей пиастры и содержал двух негритянок и турка, чтобы ей прислуживать. Мой костюм ей чрезвычайно нравился, и, поскольку у меня водились кое-какие средства, она считала меня великим султаном. <...> Ей было пятнадцать-шестнадцать лет, и она являлась самой хорошенькой из женщин, которых я когда-либо знал. <...> Я гордился тем, что владел сей юной персоной...»⁴³

О существовавшей в то время у французов возможности приобрести относительно недорого женщин из гаремов мамлюкских беев сообщает и военный комиссар Ж. Мио:

«Что касается белых женщин, то в ту пору, когда мы были в Каире, их на базаре не продавали, но все те, которых оставили мамлюки, находились, как я уже отметил, в нашем распоряжении за умеренную цену»⁴⁴.

⁴¹ Mémoires et correspondance politique et militaire du prince Eugène. P., 1858. Т. 1. P. 44.

⁴² Bonaparte N. Correspondance générale. La campagne d'Égypte et l'avènement. 1798–1799. P., 2005. Т. 2. P. 250.

⁴³ Journal du capitaine François. P. 404.

⁴⁴ Miot J. Mémoires pour servir à l'histoire des expéditions en Égypte et en Syrie. P., 1814. P. 276.

Впрочем, подобных «трофеев» в свободном «обороте» все равно было гораздо меньше, чем желающих ими воспользоваться, а потому Мио не зря упомянул о базаре: тем из французов, кому не досталось белых женщин или у кого не хватило денег на их приобретение у товарищей пусть даже «за умеренную цену», оставалось искать счастья именно на базаре, а точнее – рынке рабов.

«Освобождение» по-французски

Во Франции Старого порядка отношение к институту рабства было не просто терпимым, но скорее даже позитивным. Труд сотен тысяч невольников на плантациях Вест-Индии во многом обеспечивал тот экономический рост, который наблюдался в королевстве на протяжении почти всего XVIII столетия. И только в 1788 г. о необходимости отмены рабства в силу противоречия его просветительским идеям и принципам гуманности заговорила та политически активная часть просвещенной элиты, которая объединилась во влиятельное «Общество друзей черных» и включала в себя многих будущих лидеров Французской революции. С началом Революции они развернули активную агитацию против рабского труда, которая в конце концов увенчалась принятием 29 августа 1793 г. Конвентом декрета об отмене рабства в Сан-Доминго, крупнейшей французской колонии в Вест-Индии, а 4 февраля 1794 г. – декрета об отмене рабства во всех французских колониях. То есть к моменту высадки Восточной армии в Египте рабство во Французской Республике уже более четырех лет было вне закона.

Однако, овладев Каиром, офицеры и солдаты Бонапарта быстро оценили те преимущества, которые им давала процветавшая в восточном обществе работорговля. За вполне доступную цену на рынке рабов можно было легко приобрести себе наложницу или мальчика для услужения. Порядок совершения таких покупок был подробно описан в своем дневнике сержантом артиллерии А.М. Бонфоном:

«Каждый год из Абиссинии прибывает караван, который привозит от 1000 до 1200 черных рабов обоюга пола. <...> После того, как торговцы или, точнее сказать, бесчеловечные угнетатели, сгружают прибывших, они ведут их на крытый рынок (*okel*), то есть в дом этой постыдной торговли, где распределяют по комнатам или на нижний двор. Здесь эти несчастные создания с самым живым нетерпением

ожидают, когда их купят, надеясь в глубине сердца, что это позволит им выйти из того отвратительного рабского состояния, в котором они непрерывно пребывали после отъезда с родины. А потому, едва лишь рабыни заметят приближающегося европейца, как начинают своими жестами, мимикой и словами демонстрировать явно выраженное желание того, чтобы он забрал их от варварских хозяев. Они обращают к вам свои стенания, вздохи и восклицания, выказывая желание, чтобы ими владели вы. Они все время повторяют “*Йа биби иштери ант медни диссонарт*”, что означает “Друг мой, купи меня! Заплати за меня! Немедленно!!!”. Если решаешь кого-то купить, то надо обратиться в небольшой павильон у входа в здание, где работорговец, восседающий на дорогом ковре, покуривая трубку, пошлет за рабом или рабыней, покажет вам и, договорившись о цене, передаст в ваши руки, чтобы вы могли его или ее увести. Цена колеблется от 300 до 500 наших франков в зависимости от внешности, пола и возраста раба»⁴⁵.

Несмотря на осуждающий тон сержанта, историк Ж.-О. Будон скептически замечает: «Бонфон настолько скрупулезен в описании подобного обмена, что трудно представить себе, будто сам он такой возможностью не воспользовался»⁴⁶. Тем более, добавим от себя, что текст своего дневника Бонфон составлял уже по возвращении во Францию, лишь отталкиваясь от походных заметок⁴⁷. Участники же экспедиции, фиксируя происходящее в письмах и дневниках прямо на месте, проявляли меньше щепетильности. Пожалуй, только ученый-натуралист Э. Жофруа Сент-Илер оправдывался в письме отцу за использование рабов, осужденное и запрещенное во Франции:

«Рабство здесь совсем другое, чем в Америке. Это настоящее удочерение. Мои две рабыни всегда зовут меня не иначе, как отцом, а я так доволен их услугами, что отвечаю им такой же дружественностью»⁴⁸.

Другие французские военные и гражданские не искали даже таких слов в свое оправдание, а просто шли на рынок рабов, чтобы приобрести себе живой «товар» или хотя бы поглазеть на него. Вот как это описывал в дневнике уже знакомый нам Франсуа:

⁴⁵ *Bonnefons, sergent ; Cailleux, caporal ; Barrallier. Souvenirs et Cahiers sur la campagne d'Égypte. P., 1997. P. 71–72.*

⁴⁶ *Boudon J.-O. La campagne d'Égypte. P., 2018. P. 181.*

⁴⁷ *Meulenaere Ph., de. Op. cit. P. 30.*

⁴⁸ *Geoffroy Saint-Hilaire E. Lettres écrites d'Égypte. P., 1901. P. 122.*

«Базары в Каире каждый день открыты с 10 часов утра до трех пополудни (час молитвы у турок) для продажи рабов. Другие базары открыты от восхода до заката для продажи прочих товаров. На базар, где продают рабов, все солдаты, от генералов до барабанщиков, ходят посмотреть на торговлю или даже купить себе этих несчастных. Я там был несколько раз и закончил тем, что приобрел двух негритянок пятнадцати семнадцати лет как для себя, так и для своих товарищей. Они мне стоили 55 испанских пиастров одна, и 70 пиастров – другая»⁴⁹.

Обе девушки должны были также прислуживать его «маленькой полупринцессе» Аниф, о которой речь шла выше.

Военный комиссар Мио также отдал дань любопытству и посетил невольничий рынок. Интересно, что в первом издании мемуаров, увидевшем свет в 1804 г., он умолчал об этом эпизоде своего пребывания в Египте и рассказал о нем только десять лет спустя, во втором издании:

«Побуждаемый любознательностью, я как-то раз с некоторыми из своих товарищей пошел посмотреть на базар, где продавали женщин. Представившись покупателями, мы потребовали показать нам товар. Нас привели в грязные, отвратительные помещения, посреди каждого из которых находился очаг. В стоявших вокруг них горшочках находилась немудреная пища рабынь. Те были все чернокожими, одни с волнистыми волосами, другие с вьющимися, прибранными или свободно ниспадающими, в зависимости от обычая их страны. При нашем приближении они встали и без стеснения сбросили по приказу хозяина с себя те жалкие рубища, что их прикрывали. С той же готовностью они поворачивались перед нами, демонстрируя разные части своего тела. Их можно было даже потрогать, но их маслянистая, сальная и блестящая кожа вызывала у меня такое отвращение, что я не решился протянуть руку ни к одной из них. Я не заметил среди них ни одной внешне сколько-нибудь интересной. Эти женщины походили скорее на животных. Ни в их взглядах, ни в звуке их голосов не было ничего привлекательного. Что делать с подобными подругами, у которых даже грациозные формы не искупают отталкивающий цвет кожи? Нет нужды говорить, что продавец от нас ничего не получил и остался столь же недоволен, как и мы. Я, однако, заметил одну хорошенькую негритянку, не такую, правда, черную, как те, о которых только что

⁴⁹ Journal du capitaine François. P. 404.

упомянул. Ее отличали удивительно красивые глаза, утонченность черт и тело, достойное кисти художника»⁵⁰.

Хотя Мио и сообщает французскому читателю, что посетил невольничий рынок исключительно из любопытства и в торговле людьми не участвовал, неожиданно появившееся и не получившее далее в тексте продолжения восторженное описание «хорошенькой негритянки» наводит на мысль о том, что и он ушел отсюда не с пустыми руками.

Подробное описание торговли людьми оставил и Бернуайе, рассказавший в письме кузену о своем визите на рынок рабов:

«22 октября я встретил капитана Люнеля из Авиньона. Он предложил мне пойти с ним на базар, куда только что прибыл караван со множеством мужчин и женщин, в большинстве своем чернокожих. Он хотел купить себе одну из них. Необычность такой торговли побудила меня принять его предложение. Мы вошли в большое здание, напоминавшее своей архитектурой наши старые монастыри. Во дворе мы увидели сотню чернокожих мужчин и женщин всех возрастов, сидевших на корточках, как обезьяны. Из одежды на них были только ужасные холстины, засаленные и издающие нестерпимый запах, способный отпугнуть даже самых пылких. Тем не менее, желая узнать цену ближайшей к нам негритянки, мы подошли к купцу, чтобы спросить у него. Прежде всего он приказал ей обнажиться, чтобы мы могли ее рассмотреть, а потом предложил нам купить ее за пятьсот франков»⁵¹.

«Товар» французов не устроил, и они поинтересовались, а нет ли беленьких. Работорговец ответил, что такие бывают, но редко, а тех, что есть в наличии, он не может продать, пока не покажет их сначала Бонапарту – таков приказ главнокомандующего. Разочарованные друзья хотели уже было отправиться восвояси не солоно хлебавши, когда купец предложил показать им кое-что лучше того, что они видели во дворе:

«Мы приняли его предложение. Тогда нам пришлось подняться в своего рода дортуар и оттуда пройти в комнату, где мы увидели около дюжины [рабынь], некоторые из которых были вполне ничего. Купец снял с них облачения, чтобы показать их нам совсем нагими. Он представлял их нам одну за другой и, чтобы показать, как свобод-

⁵⁰ *Miot J.* Op. cit. P. 274–276.

⁵¹ *Bernoyer F.* Op. cit. P. 98.

но они двигаются, заставляя шевелить всеми членами тела. Капитан вознамерился взять одну и спросил ее цену. Она стояла восемьсот франков. Капитан предложил пятьсот. Его предложение было отвергнуто с объяснением, что все они девственницы, чем и обусловлена такая цена. Попытавшись помочь капитану, я обратился к купцу с вопросом:

– Чем вы можете подтвердить свои слова?

– Мне не трудно будет вас убедить. Осмотрите сами внимательно их гениталии, и вы увидите, что они зашиты ниткой из кишок таким образом, чтобы могла проходить только моча.

– Это новое открытие, мой дорогой, сказал я капитану, вполне могли бы использовать ревнивцы!»⁵².

Впрочем, и на сей раз сторонам не удалось сойтись в цене. Тогда торговец предложил французам взглянуть на двух наилучших из имеющихся у него негрятенок, их он еще никому не показывал. Друзья проследовали за ним в особое помещение, где содержались эти избранные невольницы:

«Как только мы вошли в комнату, они вскочили и закрыли лица. Купец приказал им раздеться, но они отказались. Тогда я приблизился к одной из них и, чтобы не пугать, нежно ей улыбнулся. Осторожно приоткрыв ее покрывало, я ощутил лишь слабое сопротивление. Я видел, что в ее глазах блеснула тайная радость, когда она увидела, как жадно я изучаю все соблазнительные и великолепные изгибы ее тела. Стыд заставлял ее скрывать их от меня. Она прикрывала одну сторону, когда я открывал другую. Я просто не мог оторваться от любования столь совершенным телом, изяществом рук, красотой ног, округлыми и крепкими грудями, плавными изгибами боков, очерчивавших ее на удивление плоский живот, с небольшой впадинкой посередине, где расположен пупок... и ниже, этот пучок густых выющихся волос, где угадывался тайный проход к тому мигу наслаждения, который никогда не хочется завершать. Но прежде, чем к нему перейти, требовалось узнать цену этих двух прекрасных созданий. Торговец потребовал тысячу восемьсот франков за каждую»⁵³.

Бернуайе, изнемогая от желания, уже готов был выложить запрошенную сумму, намереваясь приобрести обеих девушек. Однако приятель посоветовал сбить цену, сказав, что та, мол, слишком высока, и сделать вид, что они уходят. Продавец, вопреки

⁵² Ibid. P. 98–99.

⁵³ Ibid. P. 99.

ожиданиям, не стал их задерживать. А когда друзья вернулись через полчаса, оказалось, что рабынь уже купили. Два дня спустя Бернуайе к своему великому разочарованию обнаружил их в доме Эжена Богарне⁵⁴.

Столь подробные описания французами своих посещений невольничьего рынка, показывают, что они не только не испытывали какого-либо отторжения в отношении практики торговли людьми, но и получали удовольствие от самого ее процесса, не говоря уже о результате. Покупку юной рабыни могли позволить себе и младший офицер (Бернуайе имел звание капитана), и сержант, каким был Франсуа, если, конечно, у них на тот момент водились деньги. Тому же, у кого не было средств приобрести собственную женщину, оставалось платить женщинам публичным за проведенное с ними время, что в плане финансов было более доступно, но в конечном счете могло обойтись весьма дорого.

«Турецкий метод»

Многие военнослужащие Восточной армии отмечали в дневниках, а затем и в мемуарах, обилие проституток в египетских городах, особенно в Каире. Так, военный инженер, шеф бригады Ж.-Ф. Детруа, записал 24 августа 1798 г. в дневнике, до сих пор не опубликованном и хранящемся в архиве Исторической секции Министерства обороны Франции: «Есть множество публичных женщин (*filles de joie*) в Каире, где с ними встречаются среди руин, которыми наполнен этот город»⁵⁵. Он же 21 декабря 1798 г. сделал в дневнике такую запись: «Особенностью этого города является то, что в нем находится невероятное количество публичных женщин (*filles publiques*), которыми заполнены улицы, площади и кафе, где они танцуют и провоцируют иностранцев. Они живут по всему городу в небольших домиках, в которых и принимают клиентов на циновках или на террасах. Обычно они дремлют на песке перед дверями своих жилищ»⁵⁶.

Капрал Кэйо встречал множество таких женщин не только в столице, но и в провинциальных городках, что и зафиксировал в походных заметках:

⁵⁴ Ibid. P. 100.

⁵⁵ Journal tenu à l'Armée d'Orient par le chef de brigade du génie Detroye, du 24 M[essid]or an VI au 20 pluvi[ose] an VII (du 12 juillet 1798 au 8 février 1799) – Service Historique de la Défense. 1 M 527. P. 59.

⁵⁶ Ibid. P. 133–134.

«Несмотря на строгое отношение мужчин к женщинам, это отнюдь не мешает повсюду встречать падших особ, предназначенных для сладострастных утех. Нет города или местечка, где нельзя было бы найти публичных домов или сералей, которым тут даже потворствуют. Женщины такого сорта проводят большую часть времени в банях, где моют и мылят всё тело, отчего оно становится скорее гладким, чем белым. Значительная часть всех женщин несет на себе пятна или следы пудры, которая наносится на руки и подбородок; веки же они чернят, чтобы выглядеть красивее. Обрезание принято у обоих полов»⁵⁷.

О том же писал в своем дневнике и канонир Л.Ж. Брикар, квартировавший в Каире: «В этом большом городе множество проституток (*femmes du monde*). Их неисчислимое количество породили брошенные серали в сочетании с сексуальным голодом и щедростью французов»⁵⁸.

Спеша утолить этот «сексуальный голод», французские военные – те, кому не досталось бывших наложниц мамлюков и кто не имел денег на приобретение себе рабынь, жадно набросились на проституток. Так, даже известный нам Бернуайе, прежде чем отправиться на невольничий рынок в поисках подходящей рабыни, первое время пробавлялся, по его собственному признанию кузену, посещением публичных женщин⁵⁹. Впрочем, ему повезло, что эти визиты обошлись для него без тех последствий, о которых упоминает в своей хронике Никула (Накула) ат-Турк, ливанский христианин, находившийся при французской армии:

«Завлеченные публичными женщинами, которых в Каире и его окрестностях имелось огромное количество, они [французы – *А. Ч.*] бывали там безжалостно зарезаны; тела же их сбрасывались в колодец, чтобы замести следы преступления. Так исчезло немало французов. Многие из них также страдали от пагубных последствий венерических заболеваний...»⁶⁰

Если французские источники умалчивают об убийствах военных при посещении проституток (может быть, именно потому, что преступники хорошо заматали следы), то об охватившей армию эпидемии венерических заболеваний сведений предоста-

⁵⁷ *Bonnefons, sergent ; Cailleux, caporal ; Barrallier. Op. cit. P. 111.*

⁵⁸ *Journal du canonnier Bricard. P., 1891. P. 346.*

⁵⁹ *Bernoier F. Op. cit. P. 94.*

⁶⁰ *Histoire de l'expédition des Français en Égypte, par Nakoula-El-Turk. P., 1839. P. 133.*

точно⁶¹. Приведу для примера свидетельство одного из драгунов 14-го полка, позднее анонимно издавшего свои походные заметки в форме дневника:

«После нашего прибытия скученность размещения кавалерии в Булаке [пригород Каира – А. Ч.] и обилие публичных женщин, заражавших солдат, вызвали многочисленные заболевания. Следить [за солдатами] было бесполезно, и чтобы пресечь зло, нужно было бы воспользоваться турецким методом и, посадив этих женщин в мешки, бросить в Нил; но такой образ действий был слишком неприятен для французов. Однако рост заболеваемости встревожил Бонапарта, и он отправил в Булак главного хирурга армии Ларрея, чтобы изучить ситуацию»⁶².

О «турецком методе» предохранения военнослужащих от заболеваний, распространяемых проститутками, упоминают и другие источники. Так, в донесении коменданта Каира, генерала Дюга, Бонапарту от 15 июня 1799 г. сообщалось, что «множество публичных женщин проникает в город и заражает солдат», из-за чего необходимо найти средство сократить их число, не прибегая к «турецкому крайнему средству». Под таковым как раз и понималось утопление в мешках⁶³.

По свидетельству же типографа А. Галлана, «турецкий метод» все же был применен на практике для защиты военных, но только уже не от венерических заболеваний, а от чумы:

«Едва лишь некоторые признаки этой болезни появились в окрестностях Каира, как было использовано довольно жестокое средство, чтобы не позволить ей распространяться среди нас. Всех публичных женщин, которых застигали в отношениях с французами, сажали в мешки и бросали в воду»⁶⁴.

Таким образом, относительно недорогой способ военным вступить в интимные отношения с женщинами мог в конечном счете обойтись весьма дорого и для солдат, и особенно для самих женщин.

Впрочем, существовали методы сделать то же самое и вовсе бесплатно.

⁶¹ Подробнее см.: *Milleliri J.M. Médecins et soldats pendant l'expédition d'Égypte (1798–1801)*. P., 1999. P. 187–190.

⁶² *Journal d'un Dragon d'Égypte. (14e Dragons)*. P., 1899. P. 102.

⁶³ Цит. по: *Bodinier G. Les rapports entre le corps expéditionnaire et la population locale // La campagne d'Égypte, 1798 1801: mythes et réalités*. P., 1998. P. 99.

⁶⁴ *Galland A. Tableau de l'Égypte, pendant le séjour de l'armée française*. T. 1. P., 1804. P. 171.

По «праву» сильного

Когда у французского солдата не было денег на женщин, либо желания эти деньги тратить, либо, в конце концов, женщин, доступных за деньги, он прибегал к насилию. Сексуальное насилие, отмечает историк Ж.-О. Будон, являлось обычной практикой на войне, особенно когда захваченные армией город или деревня подвергались разграблению в качестве меры наказания. Вместе с тем упоминания в источниках о конкретных случаях изнасилований, совершенных военнослужащими, редки и, как правило, обезличены⁶⁵. Действительно, кому бы из солдат или офицеров пришлось в голову хвастаться подобными «подвигами» в письмах родным и близким или в мемуарах, писанных, как правило, для потомства? К тому же, как мы видели в декларации Бонапарта накануне высадки Восточной армии в Египте, командование открыто предостерегало подчиненных от подобного вида преступлений.

Скудость данных в источниках об актах сексуального насилия даже побудила некоторых французских историков к отрицанию такового в практике Восточной армии, тем более историков военных, вольно или невольно пекущихся о чести мундира. Так, подполковник Жильбер Бодинье, советник начальника Исторической службы сухопутных сил Франции, выступая в 1998 г. на коллоквиуме, посвященном 200-летию Египетского похода, заявил: «В целом общение французов с женской частью населения прошло лучше, чем можно было опасаться. Изнасилований не было за исключением тех, которые имели место при штурме Яффы и Булака, да в деревнях, разрушенных за оказание сопротивления французам»⁶⁶. Иными словами, сексуальное насилие, согласно этому историку, носило в Египте сугубо репрессивный характер, и никоим образом не являлось повседневной практикой. Однако даже те немногие свидетельства современников, что зафиксированы в источниках, заставляют усомниться в правомерности данного утверждения. Приведу два таких примера.

Первый – письмо одного из французских ученых, прибывшего с Восточной армией в Египет. Оно было отправлено на родину из Каира 26 июля 1798 г., то есть на четвертый день после вступления французов в египетскую столицу, когда еще ни о каких репрессиях и речи не шло, и, стало быть, отражало то, что происходило по пути следования французских войск:

⁶⁵ Boudon J.-O. *Le Sexe sous l'Empire*. P. 225–226.

⁶⁶ Bodinier G. *Op. cit.* P. 100.

«Мы пересекли моря, мы не убоялись английского флота, мы высадились в стране, которая и думать о нас не думала, мы грабили деревни, разоряли местных жителей и *насиловали их женщин*, мы рисковали умереть от голода и жажды, мы находились на грани полного истребления – и до сих пор не знаем, зачем всё это»⁶⁷.

Второе свидетельство принадлежит Доминику Виван-Денону, известному художнику, а позднее – директору Лувра, издавшему книгу о своем участии в Египетской экспедиции год спустя после ее завершения. Вот что он рассказывает об одной из остановок французских войск на ночлег в египетской деревне, которая, заметим, никакого сопротивления не оказывала и формально никаким репрессиям не подлежала:

«После тринадцати часов марша мы остановились на ночлег в Гермарресиме, к несчастью для этой деревни. Крики женщин, которые мы вскоре слышали, показали, что наши солдаты, несмотря на усталость, воспользовались ночной тьмой, чтобы потратить избыток своих сил. Под предлогом поиска продовольствия они также забирали то, в чем на самом деле не нуждались. Подвергшиеся насилию, обесчещенные, доведенные до крайности, жители бросились к патрулям, отправленным на их защиту, а патрули, атакованные разъяренными жителями, убивали их, не понимая, что те говорят, и не имея возможности с ними объясниться...»⁶⁸.

Как видим, верить подполковнику Ж. Бодинье у нас нет никаких оснований. Изнасилования египтянок французскими солдатами имели, по крайней мере в сельской местности, не только репрессивный, но и вполне бытовой характер. Во всяком случае, ни тот, ни другой из выше процитированных авторов отнюдь не воспринимали их как что-то чрезвычайное.

«Эмансипация» женщин Востока

Впрочем, всего перечисленного французам оказалось явно недостаточно для удовлетворения основного инстинкта мужчин – общения с женщинами. Наложницы беев достались преимущественно генералам и старшим офицерам, денег на рабынь в условиях постоянных задержек жалования у многих военных просто не было, посещение проституток влекло за собой всевозможные

⁶⁷ Correspondance intime de l'armée d'Égypte. P. 140. Курсив мой – А. Ч.

⁶⁸ *Vivant Denon D. Voyage dans la Basse et la Haute Egypte pendant les campagnes du général Bonaparte.* P., 1802. P. 89.

неприятности, прибегнуть к насилию при размещении войск в городах и вблизи от начальства оказывалось невозможно, прибывших же с армией трехсот француженок было катастрофически мало для сорока тысяч мужчин – оставалось так или иначе находить общий язык с местными женщинами и «приручать» их.

Самый, на первый взгляд, прямой путь к этому состоял в женитьбе на египтянке. Однако мусульманка не могла выйти замуж за иноверца, и ее родственники требовали от жениха перейти, как они считали, в истинную веру. Некоторых это условие не пугало, и они, действительно, принимали ислам, как это сделал, например, дивизионный генерал Жак-Франсуа Мену, чтобы жениться на Зубейде ар-Рашидии, дочери хозяина бань в городе Розетта. Она была прямым потомком Пророка как по отцовской, так и по материнской линии, и брак с неверным был для нее невозможен. Пришлось Мену сменить веру и имя. Звать его отныне стали Жак-Абдулла. Зато в свои 49 лет он обзавелся молодой и привлекательной супругой. «Она высокая, сильная и в целом правильно сложена, – писал он о своей избраннице генералу О.Ф.Л. Мармону. – У нее очень красивые глаза распространенного в этой стране оттенка; волосы длинные и черные, как смоль; она хороша»⁶⁹.

Сколько еще французских военнослужащих последовало его примеру, точных данных нет. Уже упоминавшийся выше военный историк Ж. Бодинье считает, что подобных случаев, включая брак самого Мену, было всего два⁷⁰. Однако по свидетельству современника экспедиции, арабского летописца Абдурахмана ал-Джабарти таковых было все же побольше:

«Многие французы сватались к дочерям знатных лиц, и последние, стремясь к власти и рассчитывая на дары, выдавали за них своих дочерей. При этом французы делали вид, что принимают ислам, и произносили слова исповедания веры, ибо у них нет веры, которая внушала бы им страх и которой они боялись бы изменить»⁷¹.

«Многие» это, конечно, не «два», но тем не менее такие браки все же не носили массового характера и являлись скорее исключением. Причина тому состояла не только в нежелании большинства военнослужащих революционной армии, в целом враждебно

⁶⁹ *La Jonquière C., de. Op. cit. T. 5. P. 662.*

⁷⁰ *Bodinier G. Op. cit. P. 99.*

⁷¹ *Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта. М., 1962. С. 410.*

настроенных к любой религии, брать на себя обязательства, связанные с переходом в новое вероисповедание. И не только в том, что многие из них уже были связаны узами брака у себя на родине, отнюдь: по свидетельству инженера Н.Ж. Конте, «многие [опять «многие»! – А. Ч.] женятся в Египте, хотя уже женаты во Франции»⁷². Пожалуй, самым большим препятствием для таких смешанных браков были сложности установления коммуникации между представителями разных культур. В представлении европейцев, прежде чем посвататься к девушке надо сначала с нею познакомиться или хотя бы увидеть ее воочию. В мусульманской же культуре то и другое до брака было практически невозможно или, по меньшей мере, сильно затруднено. Попытки же как-то обойти этот культурный барьер были чреваты курьезными казусами, об одном из которых сообщил в своих мемуарах П. Пеллепор, являвшийся во время Египетского похода офицером 18-й полубригады:

«В Каире, лейтенант Д., один из моих товарищей, втянул меня в весьма специфическое приключение, о котором я хочу здесь рассказать. Однажды он вбил себе в голову жениться на египтянке, чья фигурка восхитила его на улице города. Несмотря на мои уговоры, он заставил меня пойти к ее отцу просить для него руки его дочери. Придя к этому почтенному мусульманину, я худо-бедно объяснил ему цель своего визита. Мое предложение было с радостью принято, но, поскольку он имел двух дочерей, то спросил у меня, какую из них я сватаю. Признаюсь, я оказался в сильном затруднении, ибо не предвидел такой проблемы, и не знал, что ответить, но потом меня осенило: “Если вы представите мне обеих дам, – сказал я отцу, – я немедленно покажу вам, какую из них выбрал мой друг”. Несколько мгновений спустя их ко мне привели. *Лица обеих были закрыты паранджой.* Но надо было выбирать, и я указал на вторую. Свадьба состоялась. Женщина оказалась одноглазой. Некоторое время спустя лейтенант Д. погиб, и офицеры 18-й полубригады взяли на себя заботу о его вдове, которая затем уехала во Францию вместе с этой частью»⁷³.

Впрочем, доминирующей формой взаимоотношений французов и египтянок стал все же не брак, а свободное сожитительство. Разумеется, подобные отношения коренным образом противоре-

⁷² Цит. по: *Bret P. L'Égypte au temps de l'expédition de Bonaparte: 1798 1801.* P., 1998. P. 134.

⁷³ *Pelleport P. Souvenirs militaires et intimes du général Vte de Pelleport, de 1793 à 1853.* P., 1857. T. 1. P. 157–158. Курсив автора – А. Ч.

чили традиционной культуре ислама, а потому переход к ним потребовал некоторого времени.

Если Бонапарт, планируя превратить Египет в колонию Франции, делал ставку на длительное сосуществование французов и мусульман, а потому с большим или меньшим успехом требовал от своих подчиненных уважать принятые в исламе нормы поведения, то его преемник Клебер, взяв курс на скорейшую эвакуацию Восточной армии из Египта, уже не проявлял такой щепетильности в отношении мусульманского населения и руководствовался исключительно интересами своих соотечественников. Это стало особенно очевидно после разгрома турецкой армии при Гелиополисе и подавления Второго Каирского восстания. Победители уже не видели необходимости считаться, даже для вида, с местными порядками и стали насаждать свои, попирая традиционные ценности исламского общества⁷⁴. Смерть Клебера и приход к командованию армией «мусульманина» Мену не только не улучшили ситуацию для единоверцев последнего, но и усугубили ее. Не имея такого авторитета в войсках, как два его предшественника, Мену вынужден был мириться с откровенным произволом его подчиненных в отношении египтян и, особенно, египтянок. По распушенности нравов Каир стал напоминать революционный Париж, а новые нормы поведения задавали француженки, прибывшие с армией в Египет. Вот, что об этом писал ал-Джабарти:

«Эти женщины со смехом и хохотом разъезжали по улицам верхом на лошадях и ослах, погоняли их во всю прыть, заигрывая с везущими их погонщиками и с разными подонками из простого народа. К ним тянулись низкие и наиболее развратные женщины легкого поведения. Французы, склонные к общению с женщинами, проводили с ними время и тратили на них свои деньги. В первое время, общаясь с французами, женщины старались скрывать эти отношения, соблюдая некоторую скромность, и боялись позора. Но когда в результате последнего восстания в Каире французы ворвались в Булак, перебили жителей его, овладели ценностями и захватили и превратили в своих пленниц понравившихся им женщин и девочек, переодели их в платья своих жен и заставили их подражать всем обычаям последних, то большинство их во всех отношениях обнаглело и сбросило покрывало стыда. С этими женщинами-пленницами стали общаться и другие

⁷⁴ Подробнее см.: Чудинов А.В. Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800. М., 2019. С. 305–306.

развращенные женщины. Даже когда жители города были покорены, унижены и ограблены, а их имущество перешло в руки французов и тех, кто был на их стороне, то все-таки, благодаря тому вожделению, которое они испытывают к женщинам, французы подчинялись им, удовлетворяя все их прихоти и потворствуя всем их капризам, даже в том случае, когда женщины их ругали и били своими туфлями. Увидев все это, женщины отбросили всякую скромность и стыдливость, ни на что не обращали внимания и ни с чем не считались. <...> Женщины-мусульманки вступали в связь с местными французскими начальниками, одевались во французскую одежду и ходили с ними по их району <...>. Когда вода в Ниле, достигнув своего высшего уровня, входила в канал, куда устремлялись лодки, то в них оказывались эти женщины, вследствие своей распущенности воспользовавшиеся своими связями и дружбой с французами. Они пели, танцевали и пили вино днем и ночью при свете горящих свечей и фонарей»⁷⁵.

Французские историки расценивают эти перемены в поведении мусульманок как «эмансипацию» по образцу живших в Каире француженок⁷⁶. Однако для французских мужчин подобная «эмансипация» отнюдь не сделала женщин Востока равноценными уроженкам Франции. Сравнивая тех и других, французы всегда отдавали предпочтение соотечественницам.

Пожалуй, наиболее откровенно это сделал типограф А. Галлан в своих записках о пребывании в Каире. По его мнению, египетские красавицы безнадежно уступают француженкам во внешности:

«Женщины так же [как местные мужчины] хорошо сложены; их черты лица более мягкие, чем у мужчин, но без изысканности или выразительности; их формы более округлы, но оттянутые и удлиненные груди и выступающий живот довольно рано лишают их того преимущества, которое могло бы дать им их сложение; у них очень белые зубы и прекрасные, выразительные черные глаза, однако черные тени, которыми они красят веки, придают [взгляду] суровость, лишаящую [его] всякого очарования. Женщины из народа смуглы, остальные в целом достаточно белокожие, а еврейки, которых я видел, даже слишком. Все эти красавицы, не исключая грузинок и черкешенок, которых так хвалят, не обладают ни миловидностью, ни дружелюбием наших француженок»⁷⁷.

⁷⁵ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 409–410.

⁷⁶ Bodinier G. Op. cit. P. 100; Bret P. Op. cit. P. 135–138.

⁷⁷ Galland A. Op. cit. T. 1. P. 143–144.

Не выдерживают египтянки, на взгляд А. Галлана, и сравнения с француженками в сфере интимных отношений:

«Египтянки пылки и сластолюбивы; но они не знают всех тех милых мелочей, тех нежных прелюдий, которые усиливают очарование и многократно преумножают наслаждение обоих любовников; все это в их глазах лишь пустая трата времени, и нужно сразу переходить к делу. Привыкнув смотреть на мужчину как на своего господина и, я бы даже сказал, как на высшее существо, они, оказавшись с ним один на один, редко оказывают сопротивление. Но в отношении большинства французов египтянки правы [спеша перейти к делу], ведь их шаровары мало способны будить [у мужчин] вождение, а одного лишь мгновения раздумий может оказаться достаточно, чтобы желание пропало; эти шаровары и в самом деле [по своему воздействию] походят на голову Медузы за исключением одной лишь вещи. Прибежище Амура, лишенное растительности, также не столь соблазнительно»⁷⁸.

Хотя другие участники Египетского похода в воспоминаниях, дневниках и письмах не выражали с такой же циничной откровенностью, как это сделал А. Галлан, своего пренебрежительного отношения к женщинам Востока, на практике они поступили с ними – даже с теми, кого сами же «эмансипировали», – так, как, конечно же, не поступили бы со своими соотечественницами. Эвакуируясь из Египта, французы (хоть и не все) продали или побросали на произвол судьбы своих рабынь и подруг. Генерал Мену оставил даже супругу с их общим сыном. Но если Зубейда, являвшаяся прямым потомком Пророка, продолжала и дальше пользоваться в местном обществе уважением, то значительная часть сначала «эмансипированных», а потом брошенных французами женщин была после ухода Восточной армии казнена⁷⁹.

Заключение

Исследование гендерного аспекта Египетской экспедиции Наполеона Бонапарта позволяет существенно нюансировать сложившуюся в результате предшествующих изысканий научную картину этого важнейшего события, которое во многом определило характер взаимодействия коллективного Запада и мусульманского Востока в Новое время⁸⁰.

⁷⁸ Ibid. P. 147–148.

⁷⁹ Bodinier G. Op. cit. P. 100; Laurens H. L'expédition d'Égypte 1798-1801. P., 1997. P. 460.

⁸⁰ См.: Саид Э. Указ. соч. С. 67.

Отношения солдат Бонапарта в Египте с местными женщинами – это наглядный пример столкновения ориенталистских представлений европейцев с социокультурными реалиями Востока. Европейские авторы-ориенталисты создали миф о гиперсексуальности восточных женщин, которые для ее свободного проявления якобы с нетерпением ждут, чтобы их освободили от запретов, существующих в исламской культуре повседневности. Однако с прибытием на Восток французы обнаружили, что местные женщины, особенно мусульманки, отнюдь не стремились преодолеть тот барьер из социокультурных табу, который отделял их от чужеземцев и, более того, служил защитой от проявляемой теми сексуальной агрессии. Первой реакцией французов, разочарованных столь неприятным для себя открытием, стало обесценивание изначальной цели, скрытой за этим барьером («Нельзя? Ну не больно-то и хотелось!»). Однако затем они, пользуясь правом завоевателя – правом сильного, начали проламывать «бреши» в той защитной «стене», которой служили для египтянок традиционные ценности исламской культуры. История взаимоотношений солдат Бонапарта и женщин Востока насквозь пронизана принуждением, разными проявлениями которого стали захват бывших наложниц мамлюков, использование запрещенного во Франции института рабства, расправы над проститутками, изнасилования в деревнях, «экспроприации» девушек и женщин после подавления Второго Каирского восстания. Впрочем, не довольствуясь этими «брешами», пробитыми в социокультурном барьере, французы попытались полностью разрушить его посредством «эмансипации», которая выражалась в том, что оказавшихся в сексуальном рабстве у оккупантов египтянок принуждали подражать в своем поведении француженкам: так же одеваться, пить вино, курить, флиртовать с мужчинами и т. д. Правда, в силу краткосрочности подобного кросс-культурного «эксперимента» он не оказал существенного влияния на египетское общество в целом, но после ухода французов стоил жизни некоторым из его вынужденных участниц.

Если, говоря о других социальных сферах, мы еще можем сказать, что диалог двух цивилизаций во время Египетского похода толком не сложился, то относительно сферы гендерной приходится констатировать, что тут он и вовсе принял трагическую форму встречи насильника и жертвы.

REFERENCES

- Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Египет в период экспедиции Бонапарта. М., 1962 [Abd ar-Rakhman al-Dzhabarti. Egipet v period ékspeditsii Bonaparta. Moskva, 1962].
- Гладышев А.В.* Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 136–159 [Gladyshev A.V. Antropologicheskii povorot v voennoï istorii // Dialog so vremenem. 2017. Vyp. 59. S. 136–159].
- Гладышев А.В.* Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 10–21 [Gladyshev A.V. Okkupatsiia kak predmet voenno-antropologicheskikh issledovaniï // Frantsuzskii ezhegodnik 2018: Mezhhkul'turnye kontakty v period inostrannoï okkupatsii. Moskva, 2018. S. 10–21].
- Монтескье Ш.Л.* О духе законов. Кн. XVI. Гл. VIII // Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955 [Montesk'e Sh.L. O dukhe zakonov. Kn. XVI. Gl. VIII // Montesk'e Sh. L. Izbrannye proizvedeniia. Moskva, 1955].
- Наполеон Бонапарт*. Египетский поход. СПб., 2007 [Napoleon Bonapart. Egipetskiï pokhod. Sankt-Peterburg, 2007].
- Прусская Е.А.* Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016 [Prusskaia E.A. Frantsuzskaia ékspeditsiia v Egipet 1798–1801 gg.: vzaimnoe vospriiatie dvukh tsivilizatsii. Moskva, 2016].
- Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006 [Said È.V. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka. Sankt-Peterburg., 2006].
- Чудинов А.В.* Французы в Египте 1798–1801 гг.: неудавшийся диалог цивилизаций // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 12. Вып. 7 (105): Средиземноморье, Европейский Север и регион Балтийского моря: большие стратегии и малые государства [Tchoudinov A.V. Frantsuzy v Egipte 1798–1801 gg.: neudavshiïsia dialog tsivilizatsii // Èlektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia». T. 12. Vyp. 7 (105): Sredizemnomor'e, Evropeïskii Sever i region Baltiïskogo moria: bol'shie strategii i malye gosudarstva]. URL: <https://history.jes.su/s207987840015129-0-1/> (Дата обращения 17.01.2022)
- Чудинов А.В.* Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800. М., 2019 [Tchoudinov A.V. Zabytaia armiia. Frantsuzy v Egipte posle Bonaparta. 1799–1800. Moskva, 2019].

- Bernoyer F.* Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie, 1798–1800 : 19 lettres inédites. Port-Laval, 1981.
- Bodinier G.* Les rapports entre le corps expéditionnaire et la population locale // La campagne d'Égypte, 1798–1801 : mythes et réalités : actes du colloque des 16 et 17 juin 1998 à l'Hôtel national des Invalides. Paris, 1998. P. 93–116.
- Bonaparte N.* Correspondance générale. La campagne d'Égypte et l'avènement. 1798–1799. Paris, 2005. T. 2.
- Boudon J.-O.* La campagne d'Égypte. Paris, 2018.
- Boudon J.-O.* Le Sexe sous l'Empire. 1799–1815. Paris, 2019.
- Bonnefons, sergent ; Cailleux, caporal ; Barrallier.* Souvenirs et Cahiers sur la campagne d'Égypte. Paris, 1997.
- Bret P.* L'Égypte au temps de l'expédition de Bonaparte : 1798–1801. Paris, 1998. Correspondance intime de l'armée d'Égypte, interceptée par la croisière anglaise. Paris, 1866.
- Description de l'Égypte. Composée sur les Mémoires de M. Maillet, ancien Consul de France au Caire. Paris, 1735.
- Galland A.* Tableau de l'Égypte, pendant le séjour de l'armée française. T. 1. Paris, 1804.
- Geoffroy Saint-Hilaire E.* Lettres écrites d'Égypte. Paris, 1901.
- Histoire de l'expédition des Français en Égypte, par Nakoula-El-Turk / Publ. et trad. par M. Desgranges aîné. Paris, 1839.
- Journal du canonnier Bricard. Paris, 1891.
- Journal du capitaine François, dit le dromadaire d'Égypte. Paris, 2003.
- Journal d'un Dragon d'Égypte. (14e Dragons). Notes recueillis par le Cte M^{**}. Paris, 1899.
- Kléber en Égypte 1798–1800. Paris, 1988. T. 1.
- La Jonquière C., de.* L'expédition d'Égypte. Paris, 2003. 5 vol.
- Laurens H.* L'expédition d'Égypte 1798–1801. Paris, 1997.
- Laurens H.* Les origines intellectuelles de l'expédition d'Égypte. L'Orientalisme Islamisant en France (1698–1798). Istanbul, Paris, 1987.
- Mémoires et correspondance politique et militaire du prince Eugène. Paris, 1858. T. 1.
- Meulenaere Ph., de.* Bibliographie raisonnée des témoignages oculaires imprimées de l'expédition d'Égypte (1798–1801). Paris, 1993.
- Milleliri J.M.* Médecins et soldats pendant l'expédition d'Égypte (1798–1801). Paris, 1999.
- Miot J.* Mémoires pour servir à l'histoire des expéditions en Egypte et en Syrie. Paris, 1814.

Pelleport P. Souvenirs militaires et intimes du général Vte de Pelleport, de 1793 à 1853. Paris, 1857. T. 1.

Thurman L. Chroniques égyptiennes des sables du désert au sables du Nil (1798–1801). Paris, 2013.

Vivant Denon D. Voyage dans la Basse et la Haute Egypte pendant les campagnes du général Bonaparte. Paris, 1802.

Volney C.-F. Considérations sur la guerre des Turcs et de la Russie. London, 1788.

Чудинов Александр Викторович

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Саратовский национально-
исследовательский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а
e-mail: tchoudin@mail.ru

Alexander Tchoudinov

Dr. Hab. (History), Chief Researcher
Saratov State University
83 Astrakhanskaya Street,
Saratov, 410012
Chief Researcher, Institute of
World History of the
Russian Academy of Sciences
32a, Leninski Ave.,
119334 Moscow, Russia
e-mail: tchoudin@mail.ru
Researcher ID B-9655-2017
ORCID: 0000-0003-2522-453X
Scopus ID: 26034936800